

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 6, Pp. 1184–1195, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47)

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1184-1195

Миграция как фактор преобразования системы приставских управлений на территории Центрального Кавказа и Юга Степного Предкавказья в 1800–1803 гг.

Алексей Хасанович Абазов¹

¹ Кабардино-Балкарский научный центр РАН (д. 2, ул. Балкарова, 360004 Нальчик, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, заместитель генерального директора

 0000-0003-4004-7009. E-mail: alex_abazov[at]list.ru

© КалмНИЦ РАН, 2024

© Абазов А. Х., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье изучен миграционный фактор преобразования системы приставских управлений на территории Центрального Кавказа и Юга Степного Предкавказья в 1800–1803 гг. *Цель* исследования — выявить особенности решения вопроса со стороны органов власти и должностных лиц о расселении калмыков Большого Дербета, перекочевавших с территории Войска Донского в Астраханскую губернию в 1800 г., определить специфику преобразований в системе приставских управлений в 1800–1803 гг. на примере учреждения должности главного пристава и последующего обособления Главного калмыцкого приставства. *Материалы и методы.* Исследование выстраивалось с опорой на проблемно-хронологический, историко-генетический, историко-системный методы и институциональный подход. Материалом для работы послужили впервые вводимые в научный оборот архивные материалы Российского государственного исторического архива и Национального архива Республики Калмыкия. *Результаты.* В ходе исследования были рассмотрены обстоятельства и основные направления деятельности органов власти по определению территориальной подведомственности Главного приставского управления в 1800–1801 гг., выявлены особенности определения территориальной подведомственности приставских управлений после образования Главного приставского управления калмыков в 1801 г. *Выводы.* В начале XIX в. внутренние миграции оставались одним из важных факторов, которые учитывались в ходе преобразований системы приставских управлений на территории Центрального Кавказа и Юга Степного Предкавказья. Предпринятые властями меры способствовали укреплению российского аппарата власти на Юге страны и созданию комфортных условий для инкорпорации коренных народов региона в политико-правовое пространство Российской империи.

Ключевые слова: Центральный Кавказ, Степное Предкавказье, Астраханская губерния, приставское управление, пристав, калмыки, миграция, этническая территория, территориальная подведомственность

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Народы Центрального Кавказа в политико-правовом пространстве Российской империи в конце XVIII – начале XX в.: документальное измерение» (№ 23-28-10232, <https://rscf.ru/project/23-28-10232/>).

Для цитирования: Абазов А. Х. Миграция как фактор преобразования системы приставских управлений на территории Центрального Кавказа и Юга Степного Предкавказья в 1800–1803 гг. // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 6. С. 1184–1195. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1184-1195

Pristav Directorates in the Central Caucasus and Southern Steppe Ciscaucasia, 1800–1803: Migration as a Transformation Factor

Alexey Kh. Abazov¹

¹ Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS (2, Balkarov St., 360004 Nalchik, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Deputy General Director

 0000-0003-4004-7009. E-mail: alex_abazov[at]list.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Abazov A. Kh., 2024

Abstract. *Introduction.* The article examines migration as a factor for the transformation of the system of *pristav* directorates in the Central Caucasus and southern steppe Ciscaucasia between 1800 and 1803. *Goals.* The work seeks to identify some specifics of how authorities and officials would approach the issue of resettling Iki-Dorbet Kalmyks that had left lands of the Don Host for those of Astrakhan Governorate in 1800, to outline certain features inherent to the transformation of *pristav* directorates in 1800–1803 through the example of the established position of Chief *Pristav* and subsequent separation of the latter's office. *Materials and methods.* The study employs the chronological, historical genetic, historical systemic methods, and involves an institutional approach to analyze some newly discovered documentary narratives from the Russian State Historical Archive and National Archive of Kalmykia. *Results.* Particular attention is given to the circumstances and key directions of activities undertaken by authorities to determine the territorial jurisdiction (subordination) of the Chief *Pristav*'s Office in 1800–1801, with due regard of how territorial jurisdictions of other *pristav* directorates would be reshaped after the Kalmyk People's Chief *Pristav*'s Office was established in 1801. *Conclusions.* In the early eighteenth century, internal migrations remained an important factor when it came to transform the then system of *pristav* directorates across the Central Caucasus and southern steppe Ciscaucasia. The measures undertaken by authorities did contribute to the strengthening of the Russian government apparatus in the south of the country, and yielded somewhat comfortable conditions for the incorporation of the region's indigenous peoples — into Imperial Russia's political and legal environments.

Keywords: Central Caucasus, steppe Ciscaucasia, Astrakhan Governorate, *Pristav* Directorate, *Pristav*, Kalmyks, migration, ethnic territory, territorial jurisdiction

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-28-10232 'Peoples of the Central Caucasus in Political and Legal Environments of the Russian Empire, Late Eighteenth to Early Twentieth Centuries: The Dimension of Documents'. Available at: <https://rscf.ru/project/23-28-10232>.

For citation: Abazov A. Kh. *Pristav Directorates in the Central Caucasus and Southern Steppe Ciscaucasia, 1800–1803: Migration as a Transformation Factor*. *Oriental Studies*. 2024; 17(6): 1184–1195. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1184-1195

1. Введение

В начале XIX в. для российских властей одним из важных вопросов на этапах преобразований системы приставских управлений на территории Центрального Кавказа и Юга Степного Предкавказья было уточ-

нение их территориальной подведомственности. Это имело определенное значение при расширении аппарата российского государства на его южной окраине, так как в это время подведомственность приставских управлений в большей мере совпадала с эт-

ническими территориями проживавшего здесь населения, и в меньшей — зависела от административно-территориального устройства. В самой системе приставских управлений наметились качественные изменения, которые выражались в появлении двухуровневой иерархии, когда в подчинении главного пристава состояло несколько частных (локальных) приставов. Так, в 1800 г. для управления делами калмыцкого, кабардинского, тухменского, ногайского и других народов региона была учреждена должность Главного пристава, которому подчинялась целая группа частных приставов. В 1801 г. из его структуры было выделено Главное приставское управление калмыцкого народа [Марзей 2021: 55]. Поэтому определение или уточнение территории расселения народов региона было одним из основных направлений деятельности учреждений общеимперской и региональных властей при реформировании этих управлений. Именно эти вопросы рассматривались властями в отношении калмыцкого населения в Астраханской губернии и некоторых сопредельных с ней территорий в 1800–1803 гг. на фоне значимых административно-территориальных преобразований: принятие Высочайшего указа об отводе земель калмыкам, учреждение и упразднение должности калмыцкого наместника, учреждение должности Главного пристава и ее преобразование путем выделения должности Главного калмыцкого пристава, отнесение калмыков к ведению Министерства внутренних дел после реформы 1802 г. и к ведению астраханского губернатора в 1803 г. В связи с этим деятельность органов власти по учету внутренних миграций, определение территории для расселения части калмыцкого народа в Астраханской губернии и отнесение их к подведомственности Главного пристава является актуальной темой научного исследования в теоретическом и прикладном отношении.

В теоретическом плане такое исследование позволяет уточнить некоторые детали динамики миграционной политики государства на разных этапах истории, расширить представления о формах и способах управления на окраинах Российской империи и

интеграции в ее политико-правовое пространство их коренных жителей. В прикладном — охарактеризовать некоторые особенности решения вопроса со стороны органов власти и должностных лиц о расселении калмыков Большого Дербета¹, перекочевавших с территории Войска Донского в Астраханскую губернию в 1800 г., специфику преобразований в системе приставских управлений в 1800–1803 гг. на примере образования Главного приставского управления и последующего обособления Главного калмыцкого пристава, уточнение их территориальной подведомственности и т. п.

2. Материалы и методы

Общие вопросы истории калмыков и деятельности Главного приставского управления рассматривались в трудах Н. И. Страхова, С. Э. Эсадзе [Страхов 1810; Эсадзе 1907], Н. Н. Пальмова [Пальмов 1922: 87–89], И. Х. Калмыкова, Р. Х. Керейтова и А. И. Сикалиева [Калмыков и др. 1988], К. Н. Максимова, Д. С. Кидирниязова [Максимов 2002; Кидирниязов 2005], В. В. Трепавлова, Л. П. Абрамян [Трепавлов 2009: 60–73; Абрамян 2009], М. С. Горяева, В. В. Батырова, М. С. Горяева, А. Н. Команджаева, Е. А. Команджаева [Горяев 2009; Команджаев 2009; Батыров и др. 2014; Команджаев 2019; Команджаев и др. 2023], О. Н. Абеевой, В. А. Скиба, И. В. Лиджиевой, И. К. Очир-Гаряевой и Н. В. Ятаевой, И. Р. Марзей [Абеева 2012; Скиба 2012; Лиджиева 2016; Очир-Гаряева, Ятаева 2018; Марзей 2021] и др.

Однако вопросы уточнения территории расселения калмыков в условиях образования Главного приставского управления в 1800 г. и последующего обособления Глав-

¹ Название «Большие Дербеты» закрепилось за калмыками-дербетами (их было большинство), в 1788 г. откочевавшими на Дон. Не последовавшие за ними получили название «Малые Дербеты». Но в 1800 г. 2 тыс. большедербетовцев откочевали обратно к Волге, поэтому вторая группа стала численно превосходящей. В историографии эти группы называют Большедербетовским и Малодербетовским улусами [История Калмыкии 2009: 449–450]. В статье используются термины в том виде, как они присутствуют в использованных нами архивных источниках: «Большой Дербет» и «Малый Дербет».

ного приставского управления калмыцкого народа в 1801 г. до сих пор не становились предметом специального исследования. Вместе с тем такую возможность дают нормативно-правовые акты того времени и делопроизводственные источники, извлеченные из фондов Российского государственного исторического архива (Ф. 1350 «Третий департамент Сената») и Национального архива Республики Калмыкия (Ф. 1 «Главный пристав калмыцкого народа при Астраханском губернаторе»), а также опубликованные сборники документов [АКАК 1866; АКАК 1868].

Исследование выстраивалось с опорой на проблемно-хронологический (исследование проблемы территориальной подведомственности Главного приставского управления в хронологической последовательности), историко-генетический (анализ учреждения и динамики деятельности Главного приставского управления, его функционала в условиях реструктуризации), историко-системный (для изучения особенностей динамики системы приставских управлений в начале XIX в. в административно-территориальных преобразованиях на южной окраине Российской империи) методы и институциональный подход (при характеристике деятельности совокупности учреждений и институтов власти, участвовавших в разработке и подготовке проектов управленческих решений — в данном случае император, Правительствующий Сенат, Коллегия иностранных дел до 1802 г., Министерство иностранных дел после 1802 г., Государственное казначейство и региональные казенные палаты, главнокомандующий войсками на Кавказской линии, военные и гражданские губернаторы и губернские правления, межевые конторы, главные и частные приставы и т. п.). Это позволило рассмотреть обстоятельства и основные направления деятельности общеимперских и региональных органов власти по определению территориальной подведомственности Главного приставского управления в 1800–1801 гг., а также — в 1801–1803 гг. после образования Главного приставского управления калмыцкого народа.

3. Обстоятельства и основные направления деятельности органов власти по определению территориальной подведомственности Главного приставского управления в 1800–1801 гг.

В начале XIX в. перед властями возникла необходимость определения места для расселения части калмыцких кочевий на территории Астраханской губернии, учреждения Главного приставского управления и последующего обособления Главного приставского управления калмыков. Этому предшествовало возвращение в конце весны — начале лета 1800 г. калмыков Большого Дербета с территории Войска Донского в Астраханскую губернию [АКАК 1866: 726–726]. Там они находились чуть менее 30 лет.

Н. И. Страхов отмечал, что после 1771 г. (времени массового исхода части калмыков за пределы России и упразднения Калмыцкого ханства) состоялся «переход [калмыков] Дербевского улуса из степей Астраханской губернии на земли, принадлежащие Войску Донскому, где они и оставались до 1800 г.» [Страхов 1810: 3–4]. В течение этого периода в астраханском губернском правлении функционировали структуры, ведавшие «калмыцкими делами»: войсковая канцелярия, канцелярия калмыцких дел, калмыцкое управление.

Переселение калмыков Большого Дербета на территорию Астраханской губернии во времени совпало с учреждением должности Главного пристава для группы народов Центрального Кавказа и Юга Степного Предкавказья. Институт приставаства функционировал здесь и во второй половине XVIII в. Однако к началу XIX в. по мере расширения сети приставских управлений и увеличения количества отнесенных к их подведомственности народов возникла необходимость учреждения двухуровневой иерархии, когда главному приставу подчинялись несколько частных приставов. Так, в 1800 г. для управления делами калмыцкого, кабардинского, тухменского, ногайского и другого населения региона был введен институт Главного пристава. Поначалу он находился в двойном подчинении и относился к подведомственности Коллегии иностранных дел и регионального военного на-

чальства. Первым главным приставом был назначен коллежский советник И. М. Макаров, который обозначался в нормативной и делопроизводственной документации того времени как «посредник и ходатай в нуждах и делах» между местным населением и российским правительством [АКАК 1866: 727].

Сразу же после назначения на должность пристав И. М. Макаров включился в деятельность по сбору первичной информации о местах кочевий калмыков до 1771 г. При этом под кочевья переселившихся с территории Войска Донского калмыков предлагалось отвести места «11 бугров» по дороге из Астрахани в Кизляр. Сведения об этом с перечислением их названий приведены во мнении Астраханской казенной палаты, направленном в Правительствующий Сенат 12 мая 1800 г. [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 438]. В документе также приводились сведения о том, что в 90-е гг. XVIII в. эта территория уже была отведена под кочевья калмыков и передавалась им в пользование при условии периодического внесения платы в казну, а власти по запросам населения обсуждали возможность исключения ее из оброчных статей и сходились во мнении о невозможности принятия такого решения, так как она была отведена именно под кочевья калмыков на основании соответствующего Высочайшего распоряжения [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 438].

Переселение калмыков Большого Дербета в 1800 г. в пределы Астраханской губернии стало одной из центральных тем во взаимодействии высшей имперской и региональных властей. В рескрипте императора ведавшему пограничными делами на Кавказской линии генерал-лейтенанту К. Ф. Кноррингу от 13 июня 1800 г. по этому факту было предписано одобрить их расселение в Малом Дербете и не допускать пересечения ими российских границ [АКАК 1866: 724].

30 июня 1800 г. К. Ф. Кнорринг рапортовал императору о том, что калмыки Большого Дербета, прибывшие в Астраханскую губернию к урочищу Калаус, выразили нежелание вернуться [АКАК 1866: 726]. Он также выразил мнение, что вопрос об их расселении следовало решать исключи-

тельно в соответствии с волей императора [АКАК 1866: 727].

Некоторые вопросы о формах взаимодействия главного пристава И. М. Макарова с населением, отнесенным к его подведомственности (калмыцким, кабардинским, тухменским, ногайским и др.), правовом статусе переселившихся в Астраханскую губернию калмыков и подходы к уточнению границ для их кочевий были определены в «Наставлении», выданном ему Коллегией иностранных дел 29 августа 1800 г. [АКАК 1866: 727–731]. Однако, по данным Н. И. Страхова, 9 августа 1800 г. император приказал депутатам Калмыцкой орды Большого Дербета избрать себе начальника и быть независимыми от «донцов» [Страхов 1810: 6]. В «Наставлении» же закреплялись права калмыков быть российскими подданными, проживать в пределах Астраханской губернии, самостоятельно избирать депутатов и начальника, взаимодействовать с Коллегией иностранных дел по основным вопросам их жизнеобеспечения, а с генерал-прокурором — главой Правительствующего Сената — по вопросам пользования ими земель [АКАК 1866: 727].

Вместе с тем все это влекло к необходимости нормативного закрепления территории расселения этой части калмыцкого населения в пределах Астраханской губернии и допуске их к пользованию теми землями, «на коих они до ухода за границу имели свое кочевье», а также подготовки для Высочайшего утверждения специальной Грамоты, о чем был дан соответствующий указ императора Правительствующему Сенату от 24 сентября 1800 г. [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 88]. Указ также дал начало сбору информации по соответствующим инстанциям для подготовки проекта жалованной грамоты. В свою очередь 4 октября 1800 г. Сенат предписал Межевой канцелярии изыскать возможность для переселения калмыков на прежние места жительства и после отмежевания земель подготовить план расселения с подробным описанием [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 119об.]. Однако решение этого вопроса осложнялось невозможностью точного определения территории прежних кочевий и отсутствием пись-

менных свидетельств об этом, заселением прежней территории другими народами и казенными и помещичьими крестьянами и т. п. Это стало причиной для направления Сенатом астраханскому военному губернатору специального предписания собрать подготовить справочную информацию о покинутых калмыками территориях и заселении их представителями других народов, их численности, основаниях предоставления им земель, особенностях хозяйственного быта [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 123–123об.] и т. п.

В свою очередь астраханский военный губернатор предписал находившемуся «при делах калмык и при делах кабардинцев, ногайцев, трухменцев и других азиатских в Астраханской губернии кочевых народов коллежскому советнику Макарову» собрать необходимую информацию, о чем астраханское губернское правление рапортовало в Правительствующий Сенат 9 апреля 1801 г. [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 1–3]. В рапорте также говорилось и о готовности землемеров приступить к межеванию земель с помощью землемеров, прикомандированных от Казанской и Симбирской межевых контор. Сведения для решения обсуждаемого вопроса представляли исключительную ценность, так как без них межевая комиссия не имела бы возможности приступить к исполнению своих обязанностей.

И. М. Макаров должен был получить сведения о динамике этнической карты региона от «наместника калмыцкого народа». Однако в последующем пристав, астраханские губернское правление и казенная палата сообщали по подведомственности, что точные сведения о численности и количестве занимаемых в прошлом земель калмыками и представителями других народов региона установить не удалось [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 390].

В последующем при обсуждении этих вопросов предполагалось учитывать все локальные миграции населения Центрального Кавказа и Юга Степного Предкавказья в прошлом и опыт функционирования здесь приставских управлений в последней трети XVIII – начале XIX в. В качестве примера рассматривался опыт приставского управ-

ления Кабарды, образованного в 1769 г., и принципы выстраивания им коммуникации с населением Моздока (населенного пункта, в котором располагались присутственные места пристава и пограничного суда) и его окрестностей (кабардинцами, осетин, ногайцев, абазин и др.). Кроме того, в рапортах И. М. Макарова в астраханское губернское правление содержались сведения о переводе в казачье сословие или приобщении к деятельности приставских управлений некоторых представителей местного населения и выплате им жалования за счет российской казны [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 184–196], а также о том, что некоторые эти принципы применялись главнокомандующим войсками на Кавказской линии в начале XIX в. при учреждении новых приставских управлений [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 214].

Между тем поиск решений на вопросы об отведении территории для кочевий части калмыцкого населения в Астраханской губернии не приостанавливался. 27 сентября 1800 г. был направлен указ Павла I Правительствующему Сенату об отводе калмыкам земель. В указе предписывалось определить для расселения калмыцких кочевий Малого и Большого Дербета на территории от Царицына по рекам Волге, Сарпе, Салу, Манычу, Куме и части каспийского морского побережья (т. е. те места, на которых они располагались до 1771 г.) и определении населенного пункта для расположения присутственного места их пристава вблизи этих территорий. Кроме того, Сенат организовал дополнительный сбор информации о конкретных территориях, на которых расселились калмыки до 1771 г., и на основе этой информации планировал подготовить для утверждения императором соответствующую Грамоту [Страхов 1810: 7].

В середине осени 1800 г. император сделал ряд распоряжений по приобщению представителей знатных родов калмыцкого населения и духовных лидеров к сотрудничеству и назначение их на ключевые позиции в своих обществах. 14 октября 1800 г. на основании Грамот императора Сойбюнг¹-Бакши был утвержден в статусе кал-

¹ Также встречается написание Сойбинг-бакши.

мыцкого ламы [АКАК 1866: 722] и Чучей тайши Тундутов — калмыцкого наместника [АКАК 1866: 723] (должность наместника было предложено упразднить после его смерти в 1803 г.; старший сын Ч. Тундутова не был утвержден в этой должности [НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–25; История Калмыкии 2009: 484]).

Несмотря на это, получение точных сведений по запросам общеимперских властей было по-прежнему затруднительным. 23 сентября 1801 г. И. М. Макаров в рапорте в Астраханское губернское правление еще раз сообщал о невозможности сбора сведений о точной численности трухменского и ногойского населения [РГИА. Ф. 1350. Оп. 6. Д. 270а. Л. 309]. Свою информацию он основывал в основном на сведениях, полученных от частных приставов подведомственных ему народов. Однако рапорт был подкреплён сведениями о том, на какой именно территории Астраханской губернии на тот момент проживало ногойское и трухменское население, их численности и особенностях хозяйственного быта (специфике мест расселения, количестве отводимой земли под хлебопашество, скотоводство и т. п.) [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 70а. Л. 314–316]. В рапорте также были приведены аналогичные сведения об абазицах, темиргоевцах, башильбаевцах, ногойцах каспулатовской фамилии, а также о джембулуковских и едисанских ногойцах [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 314]. Анализ приведенных в нем сведений и их сопоставление с данным других источников могут быть предметом специального исследования.

Между тем для проведения межевых работ на местах 18 ноября 1801 г. Правительствующий Сенат дал ряд рекомендаций астраханскому губернскому правлению. Основная из них заключалась в учете определенных в Высочайшем указе от 24 сентября 1800 г. территориальных границ и полученных от местного населения сведений. Для исключения конфликта интересов и снижения уровня возможных разногласий на планы предлагалось наносить только те участки земли, которые бесспорно принадлежали этому народу и на момент обмежения не были заселены представителями других на-

родов. Выявленные излишки земли могли быть зарезервированы для представителей коренного населения или казенных поселян из других губерний. Представителям региональных властей запрещалось самовольно ликвидировать существовавшие владения и утверждать новые границы «формальными межами». Землемерам предписывалось ежемесячно отчитываться о проделанной работе военному губернатору и в саратовскую межевую контору, а по окончании работ — подготовить планы и необходимые свидетельства. Межевая контора по окончании работ должна была предоставить в Сенат на утверждение генеральный план. Саратовскому губернатору в случае необходимости предписывалось обеспечить равномерное предоставление калмыкам земель в пределах подведомственной территории [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 392–394].

4. Особенности определения территориальной подведомственности приставских управлений после образования Главного приставского управления калмыков в 1801 г.

Спустя год после учреждения Главного приставского управления возникла необходимость выделения из его структуры Главного приставского управления калмыцкого народа, что фактически и состоялось в 1801 г. 26 октября 1801 г. император Александр I подписал указ «Об утверждении прав и преимуществ, калмыцкому народу присвоенных...» [Избасарова, Любичанковский 2018: 19], в котором в должности главного пристава калмыцкого народа упоминался коллежский советник Н. И. Страхов. Штатная расстановка нового приставского управления была аналогичной, что и в прежних приставствах. В штате управления предусматривались должности главного пристава, 2 толмачей, 3 писцов, переводчика и секретаря (цит. по: [Команджаев и др. 2023: 31]).

При назначении на должность Н. И. Страхову, помимо прочего, была поставлена задача установить, какие ранее принадлежавшие калмыкам земли в Астраханской губернии могут быть отведены с учетом того, чтобы их было достаточно для удов-

летворения их хозяйственных нужд [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 321об.]. Финансовое обеспечение его деятельности производилось также за счет средств российской казны. Позже в именном указе императора государственному казначею от 11 марта 1802 г. определялась конкретная сумма казенных ассигнований.

Территориальная подведомственность остального населения приставу И. М. Макарову также подлежала дополнительному уточнению. Информацию об этом можно почерпнуть из его рапорта в Коллегию иностранных дел от 23 января 1802 г. и приложенной к нему записки о переданных в его подведомственность «кабардинцах, ногайцах, трухменцах и прочих кочующих в Астраханской губернии магометанского закона народах» [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 304–304об.]. В записке содержались сведения о расселении и численности калмыцкого, ногайского, трухменского, абазинского, темиргоевского, башильбаевского населения (с указанием в большинстве случаев их локальных групп) [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 304].

В целом к подведомственности главного пристава И. М. Макарова по-прежнему относилась обширная территория, на которой проживало как оседлое, так и кочевое население Центрального Кавказа и Юга Степного Предкавказья и которая охватывала как некоторые внутренние российские территории (часть Астраханской губернии), так и отнесенные международными актами порубежные территории (расположенные за пределами Кавказской линии).

2 апреля 1802 г. из Коллегии иностранных дел Н. И. Страхову было направлено уведомление о невозможности передачи калмыкам установленной в грамоте Павла I земли в полном объеме, так как, по мнению служащих, на тот момент необходимость в отводе столь обширной территории отпала [История Калмыкии 2009: 465]. В свою очередь в указе императора от 10 сентября 1802 г. говорилось о невозможности калмыкам занять прежние территории, так как часть из них была заселена уже другими народами. Взамен в случае необходимости предлагалось отвести им территорию от

Царицына до берегов Каспийского моря, необходимую для пастьбы скота и лошадей. Распределение земель планировалось возложить на астраханского и саратовского губернаторов [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 398].

После этого начался поиск альтернативных решений. В частности по итогам проделанных межевых работ саратовский губернатор рапортовал в Сенат о том, что поскольку основная часть калмыцкого народа кочевала в Астраханской губернии, то следовало бы сначала определить их кочевья там, а недостающие земли в случае необходимости восполнить за счет земельного фонда подведомственной ему губернии [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 399об.]. 28 апреля 1802 г. был издан указ императора об отводе калмыкам достаточного количества земли от Царицына до берегов Каспийского моря для пастьбы их стад и табунов, не ущемляя интересы других народов [Страхов 1810: 12].

5 мая 1802 г. было утверждено Наставление Коллегии иностранных дел главному калмыцкому приставу Н. И. Страхову [Команджаев и др. 2023: 33]. В нем уточнялся перечень его полномочий, в числе которых были защита интересов калмыцкого народа (покровительство), надзор за деятельностью калмыцкого наместника и Зарго [История Калмыкии 2009: 483], наблюдение за доступом к объектам хозяйственного природопользования, превенции споров и конфликтов и содействие их решению, обеспечение коммуникации местных этноэлит с представителями российского начальства в регионе, контроль за их миграционными процессами [АКАК 1866: 746].

При этом решение об уточнении территориальной подведомственности главного калмыцкого пристава не приостанавливалось. В рапорте генерал-лейтенанта К. Ф. Кнорринга в Правительствующий Сенат от 28 июня 1802 г. [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 321] сообщалось о намерении региональных властей к началу осени 1802 г. завершить межевые работы. 23 июля 1802 г. межевой департамент Сената рассмотрел донесение Коллегии иностранных дел и приложенные к нему документы (ко-

пии с высочайше конфирмованных докладов, выписок из московских архивов, рапорта Астраханского губернского правления и Главных приставов и т. п.) [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 317–318об.]. Однако к осени 1802 г. проект этого решения не был готов.

В это время в административно-территориальном устройстве региона произошло еще одно значимое событие, которое внесло определенные коррективы и в решение вопросов о территориальной подведомственности Главного приставского управления калмыцкого народа. 15 ноября 1802 г. Астраханская губерния была разделена на две губернии — Астраханскую и Кавказскую [АКАК 1868: 919]. Высшим должностным лицом обеих губерний был главнокомандующий войсками Кавказской линии и управляющий в Грузии. Другим важным преобразованием — одним из последствий министерской реформы 1802 г. была передача Главного приставского управления калмыцкого народа в подведомственность Министерства внутренних дел. Деятельность главного пристава Н. И. Страхова выстраивалась на прежних основаниях, вопрос об отмежевании земель оставался открытым.

Подведение итогов многолетней работы по уточнению территориальной подведомственности главного приставского управления калмыцкого народа началось ранней весной 1803 г. 24 марта 1803 г. Сенат направил на рассмотрение императора доклад по отводу калмыкам земли в Астраханской и Саратовской губерниях [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 389–436]. В нем отмечалось, что все подготовительные работы к тому времени были проведены. Сенат, рассмотрев донесения астраханского и саратовского гражданских губернаторов, излагая коллективное мнение императору, посчитал целесообразным ходатайствовать о выделении в случае необходимости сверх обозначенных нормативов дополнительной территории на горной стороне р. Волги. При этом уточнялось, что они имели «надобность кочевать там, где издревле кочевали» [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 389–436].

24 июня 1803 г. император внес в Сенат предложение, в котором распорядился

направить на исполнение межевого департамента с учетом содержания Высочайшего указа, данного астраханскому военному губернатору П. Д. Цицианову о нарезке земель калмыкам, кочевавшим в Астраханской, Кавказской и Саратовской губерниях, и предписать Саратовской межевой конторе выделить необходимое число землемеров [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 466]. 25 июня 1803 г. император подписал именной указ астраханскому военному губернатору и главноуправляющему в Грузии генерал-лейтенанту П. Д. Цицианову [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 467–472], в котором говорилось о том, что министр внутренних дел подготовил сведения и представления об уточнении территории для калмыцких кочевий в Астраханской губернии. В документе также сообщалось о том, что земли в объеме, определенном в Высочайшем указе от 24 сентября 1800 г., передать им не представлялось возможным, так как многие из них уже находились в частном пользовании. П. Д. Цицианову предлагалось дополнительно собрать сведения о том, какое именно количество калмыков может занимать территории кочевий в зависимости от времени года, а после — отвести им необходимое количество земли с тем расчетом, чтобы в их число не входили территории, уже переданные в пользование помещикам или заселенные иным законным способом. В случае возникновения необходимости перераспределения, помимо территорий Кавказской и Астраханской губерний, еще и территории Саратовской губернии, то это следовало решать согласованно с ее губернатором, при этом из отвода исключить земли, переданным казенным поселянам, колонистам и соляным вощикам. На основании неоднократных просьб от калмыцкого населения о том, что владельцы земель по нагорным берегам Волги препятствовали им в прогоне скота, предписывалось предпринять необходимые меры для отвода им места для прогонов таким образом, чтобы это не нарушало прав собственников.

Далее после очередного этапа административно-территориальных преобразований решение этого вопроса было переведено в иную плоскость, что в свою очередь

может быть предметом специального исследования. В конце ноября 1803 г. после смены главнокомандующего войсками на Кавказской линии главный пристав калмыцкого народа был передан в подведомственность астраханского губернатора [НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–33]. С этого времени вопрос определения территориальной подведомственности Главного пристава калмыцкого народа был локализован, и его рассмотрение перешло преимущественно в область его непосредственного взаимодействия с астраханским губернатором. Основная часть калмыцкого населения по-прежнему проживала в Астраханской губернии в Нижнем Поволжье и относилась к подведомственности их главного пристава Н. И. Страхова. К его же подведомственности были отнесены и калмыки Юга Степного Предкавказья в приграничье с образованной в 1802 г. Кавказской губернией, уточнение территории кочевий которых стало предметом длительных обсуждений общеимперских и региональных властей. К подведомственности прежнего главного пристава И. М. Макарова относилось прежнее кавказское население, проживавшее как на территории Кавказской губернии, так и за пределами Кавказской линии.

5. Заключение

В начале XIX в. внутренние миграции оставались одним из важных факторов, которые учитывались в ходе преобразований системы приставских управлений на территории Центрального Кавказа и Юга Степного Предкавказья. Возвращение в конце весны – начале лета 1800 г. калмыков Большого Дербета с территории Войска Донского в Астраханскую губернию послужило основанием для начала широкого обсуждения во властных структурах вопроса о территории их расселения, в котором принимали участие Правительствующий Сенат, Коллегия иностранных дел до ее реорганизации в 1802 г.,

Министерство внутренних дел после министерской реформы 1802 г., Государственное казначейство и региональные казенные палаты, главнокомандующий войсками на Кавказской линии, военные и гражданские губернаторы Астраханской, Саратовской и Кавказской губерний и губернские правления, межевые конторы, главный и частный приставы и т. п.

Роль главного и частных приставов в этом вопросе сводилась в основном к сбору первичной информации о расселении и численности народонаселения, его хозяйственном быте и роде деятельности и т. п. Однако само обсуждение вопроса протекало в условиях постоянных административно-территориальных преобразований: учреждения должности Главного пристава для целой группы народов Астраханской губернии и порубежных с Кавказской линией территорий, последующее обособление должности главного пристава калмыцкого народа, смена его вышестоящей инстанции путем передачи из ведомства, курировавшего иностранные дела, ведомству, курировавшему внутренние дела и т. п. Межведомственное взаимодействие по этому вопросу выстраивалось на принципах исключения конфликта интересов, обеспечения коммуникации местных этноэлит с представителями российского начальства в регионе, эффективного использования земельного фонда, гарантирования прав добросовестных пользователей земельными угодьями и т. д. Для принятия оптимального решения власти учитывали исторический опыт деятельности приставских управлений на Центральном Кавказе в последней трети XVIII – начале XIX в., особенности миграции и динамики этнических территорий и т. п. Все это способствовало укреплению российского аппарата власти на Юге страны и созданию комфортных условий для инкорпорации коренных народов региона в политико-правовое пространство Российской империи.

Источники

АКАК 1866 — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 1. Тифлис: Тип. Гл. Управления Наместника Кавказского, 1866. 827 с.

Sources

Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. 1. Tiflis: Executive Office of the Caucasus Viceroy, 1866. 827 p. (In Russ.)

- АКАК 1868 — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 2. Тифлис: Тип. Гл. Управления Наместника Кавказского, 1868. 1238 с.
- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
- РГИА — Российский государственный исторический архив.
- Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. 2. Tiflis: Executive Office of the Caucasus Viceroy, 1868. 1238 p. (In Russ.)
- National Archive of the Republic of Kalmykia.
- Russian State Historical Archive.

Литература

- Абеева 2012 — Абеева О. Н. Система управления кочевниками Прикаспия в XIX в. (на материалах Калмыкии) // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2012. № 3. С. 77–86.
- Абрамян 2009 — Абрамян Л. П. Государственное управление внешними инородцами Степного Предкавказья во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2009. 201 с.
- Батыров и др. 2014 — Батыров В. В., Горяев М. С., Команджаев А. Н., Команджаев Е. А. Изменения в системе управления Калмыкией в конце XVIII – начале XX века. Элиста: Джангар, 2014. 159 с.
- Горяев 2009 — Горяев М. С. Калмыкия в составе Российской империи: особенности социально-экономического и политического положения (1771–1825 гг.). Элиста: Джангар, 2009. 131 с.
- Избасарова, Любичанковский 2018 — Избасарова Г. Б., Любичанковский С. В. Приставства на окраинах Российской империи в XVIII – первой половине XIX в.: от административного лица к системе управления // Российская история. 2018. № 2. С. 13–21.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х тт. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 848 с.
- Калмыков и др. 1988 — Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. Ногайцы: историко-этнографический очерк. Черкесск: Ставроп. кн. изд-во, Карачаево-Черкесское отд., 1988. 230 с.
- Кидирниязов 2005 — Кидирниязов Д. С. Ногайцы Северо-Восточного Кавказа в XIX – начале XX в. (Исследование экономического развития и социально-политического строя). Махачкала: [б. и.], 2005. 219 с.
- Команджаев 2009 — Команджаев Е. А. Административная система Калмыкии в XVIII–XIX вв. Элиста: Калм. гос. ун-т, 2009. 100 с.

References

- Abeeva O. N. Administrative systems for Caspian nomads, nineteenth century: The case of Kalmykia. *Vestnik Prikaspiya: arkheologiya, istoriya, etnologiya*. 2012. No. 3. Pp. 77–86. (In Russ.)
- Abramyan L. P. Government Control over Outer Non-Russian Populations of Northern Ciscaucasia, Mir-Eighteenth to Mid-Nineteenth Centuries. Cand. Sc. (history) thesis. Pyatigorsk, 2009. 201 p. (In Russ.)
- Batyrov V. V., Goryaev M. S., Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A. Changes in Kalmykia's Administrative System, Late Eighteenth to Early Twentieth Centuries. Elista: Dzhangar, 2014. 159 p. (In Russ.)
- Goryaev M. S. Kalmykia as Part of the Russian Empire: The Specific of Socioeconomic and Political Environments, 1771–1825. Elista: Dzhangar, 2009. 131 p. (In Russ.)
- Izbassarova G. B., Lyubichankovskiy S. V. Pristavstva on the outskirts of the Russian Empire in the 18th — first half of the 19th century: From a personal position to a management system. *Russian History*. 2018. No. 2. Pp. 13–21. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Elista: Gerel, 2009. Vol. 1. 848 p. (In Russ.)
- Kalmykov I. Kh., Kereytov R. Kh., Sikaliyev A. I. The Nogai: An Essay in History and Ethnography. Cherkessk: Stavropol Book Publ., 1988. 230 p. (In Russ.)
- Kidirmiyazov D. S. Nogais of the Northeast Caucasus, Nineteenth to Early Twentieth Centuries: A Study of the Economic and Sociopolitical Agenda. Makhachkala, 2005. 219 p. (In Russ.)
- Komandzhaev E. A. Kalmykia's Administrative System, Eighteenth–Nineteenth Centuries. Elista: Kalmyk State University, 2009. 100 p. (In Russ.)

- Команджаев 2019 — *Команджаев Е. А.* Институты публичной власти в Калмыкии в XVII – начале XX в. с позиции цивилизационно-культурного подхода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 2. С. 219–243.
- Команджаев и др. 2023 — *Команджаев Е. А., Команджаев А. Н.* Назначение Н. И. Страхова Главным приставом калмыцкого народа (по материалам российского законодательства 1801–1802 гг.) // *Nomadic Civilization: Historical Research*. 2023. Т. 3. № 3. С. 25–38.
- Лиджиева 2016 — *Лиджиева И. В.* Местное самоуправление калмыков в XIX – начале XX в. (историко-этнографический аспект). Элиста: КалмНИЦ РАН, 2016. 328 с.
- Максимов 2002 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.
- Марзей 2021 — *Марзей И. Р.* Система приставских управлений на Северном Кавказе в 1769–1864 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2021. 193 с.
- Очир-Гаряева, Ятаева 2018 — *Очир-Гаряева И. К., Ятаева Н. В.* К вопросу о правовом оформлении приставства в Калмыкии (первая четверть XIX в.) // Право и государство: теория и практика. 2018. № 12 (168). С. 30–34.
- Пальмов 1922 — *Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань: Калмгосиздат, 1922. 137 с.
- Скиба 2012 — *Скиба В. А.* Правовой статус Калмыкии после ликвидации Калмыцкого ханства (1771 г. – XIX в.) // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2012. № 2(31). С. 182–185.
- Страхов 1810 — *Страхов Н. И.* Нынешнее состояние калмыцкого народа, с присовокуплением калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их веры, молитвы, нравоучительной повести, сказки, пословиц и песни Савардин. СПб.: Тип. Шнора, 1810. 95 с.
- Трепавлов 2009 — *Трепавлов В. В.* «Национальная политика» в многонациональной России XVI–XIX веков // Историческая психология и социология истории. 2009. Т. 2. № 1. С. 60–73.
- Эсадзе 1907 — *Эсадзе С. Э.* Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1. Тифлис: Тип. «Гуттенберг», 1907. 616 с.
- Komandzhaev E. A. Institutes of public authority in Kalmykia in the 17th – early 20th centuries from the perspective of civilization and cultural approach. *RUDN Journal of Law*. 2019. Vol. 23. No. 2. Pp. 219–243. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-219-243
- Komandzhaev E. A., Komandzhaev A. N. Appointment of N. I. Strakhov as the Chief Bailiff of the Kalmyk people (Based on the materials of Russian legislation of 1801–1802). *Nomadic Civilization: Historical Research*. 2023. Vol. 3. No. 3. Pp. 25–38. (In Russ.) DOI: 10.53315/2782-3377-2023-3-3-25-38
- Lidzhieva I. V. Local Governance in Kalmyk Steppe, Nineteenth to Early Twentieth Centuries: A Perspective from History and Ethnography. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2016. 328 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmykia in Russia's Past and Present National Policies and Administrative System. Moscow: Nauka, 2002. 524 p. (In Russ.)
- Marzei I. R. A System of Pristav (Commissioner) Directorates in the North Caucasus, 1769–1864. Cand. Sc. (history) thesis. Nalchik, 2021. 193 p. (In Russ.)
- Ochir-Garyaeva I. K., Yataeva N. V. Legal formalization of the Pristav's authority in Kalmykia, 1800s – 1820s. *Law and State: The Theory and Practice*. 2018. No. 12 (168). Pp. 30–34. (In Russ.)
- Palmov N. N. Kalmyks within Russia's Borders: A Historical Essay. Astrakhan: Kalmgosizdat, 1922. 137 p. (In Russ.)
- Skiba V. A. Legal status of Kalmykia after the abolition of Kalmyk Khanate, 1771–1890s. *Vestnik Severo-Kavkazskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2012. No. 2 (31). Pp. 182–185. (In Russ.)
- Strakhov N. I. Present-Day Conditions of the Kalmyk People, Their Laws and Procedures, Ten Precepts of Their Faith, a Prayer, a Didactic Novel, a Folktale, Proverbs and Sarvadin Song. St. Petersburg: Schnor, 1810. 95 p. (In Russ.)
- Trepavlov V. V. 'Ethnic policies' in polyethnic Russia, sixteenth–nineteenth centuries. *Historical Psychology & Sociology*. 2009. Vol. 2. No. 1. Pp. 60–73. (In Russ.)
- Esadze S. E. Administering the Caucasus: A Historical Essay. Vol. 1. Tiflis: Guttenberg, 1907. 616 p. (In Russ.)

